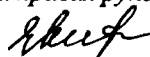

0-495215

На правах рукописи

Киселёва Екатерина Николаевна

**ВАРИАТИВНОСТЬ СЕМАНТИКИ ПОДЛЕЖАЩЕГО
И СПОСОБЫ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СТРУКТУРАХ
НОМИНАТИВНОГО И РОЛЕВОГО ТИПА
(на материале английского и русского языков)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2012

**Работа выполнена на кафедре грамматики и истории английского языка
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»**

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Левицкий Юрий Анатольевич
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет» (г. Пермь)
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Орехова Наталья Николаевна
ФГБОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко»
(г. Глазов)
- кандидат филологических наук, доцент
Овчинникова Елена Викторовна
ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский университет» (г. Пермь)
- Ведущая организация:** **ФГБОУ ВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия»**
(г. Нижний Тагил)

Защита состоится «11» апреля 2012 года в 13 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», с авторефератом – на официальном сайте ВАК Минобрнауки России <http://vak.ed.gov.ru> и на официальном сайте ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» http://v4.udsu.ru/science/avtoref_2011_06

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

Автореферат разослан « 7 » марта 2012 .

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Н.В. Кондратьева'.

Н.В. Кондратьева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Данная диссертационная работа посвящена изучению подлежащего – основного предметного компонента предложения, носителя предикативного признака; вариативности его семантики и способов ее выражения в синтаксических структурах.

Окружающий нас мир предстает как совокупность разнообразных элементов, объектов, явлений, которые обладают различными свойствами, качествами, отношениями. При отражении в сознании ситуации действительности элементы и их свойства предстают в виде двух предельно общих категорий Предмета и Признака, соответствующих обязательным компонентам мысли-суждения – субъекту и приписываемому ему предикату. В языке субъект и предикат реализуются в предложении и, как правило, соотносятся с двумя его главными членами – подлежащим и сказуемым.

Подлежащее характеризуется трудностью определения [Кинэн 1982; Наполи 1993; Тестелец 2001; Кибрик 2005; Шмелев 2006 и мн. др.], которая, по словам А.Е. Кибрика, связана с тем, что «мы не располагаем общетеоретическим пониманием этой сущности, не привязанным к конкретным морфологическим характеристикам» [Кибрик 2005: 181]. Проблема определения подлежащего является одной из центральных в синтаксисе, несмотря на то что подлежащее исследуется с давних пор на материале различных языков в рамках разных направлений.

В истории языкознания подлежащее изучалось с позиций таких направлений, как: *логическое* (Платон, Аристотель, стоики, александрийская школа, К. Беккер, Н.И. Греч, Ф.И. Буслаев, В.И. Классовский и др.), *универсальная грамматика* (модисты, Ф. Санчес, А. Арно и К. Лансло и др.); *психологическое* (Г. Пауль, А.А. Шахматов и др.); *формальное* (Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский, Ч. Фриз, А. Сэндмэн, М.М. Гухман, Н.Ю. Шведова, П.А. Лекант, В.Ф. Рогожина, И.В. Переверзева и др.), *коммуникативное* (В. Матезиус, П. Шахтер, У. Чейф, М. Нунэн, Л.П. Новикова и др.), *семантическое* (Ч. Филлмор, С.Д. Кацнельсон, Ю.С. Степанов, Е.В. Падучева и В.А. Успенский, А. Радфорд, Н.В. Иосилевич и др.), *функциональное* (Г.А. Золотова, А.В. Бондарко), *многоаспектное* (Э. Кинэн, И.Ш. Козинский, К. Нэйлл, Д. Наполи, Я.Г. Тестелец, О.Л. Бодягина и др.).

В результате длительных исследований подлежащего были решены следующие проблемы, а именно: делимитации, т.е. определения границ члена предложения в речевой цепи; статуса подлежащего в соотношении главных и второстепенных членов предложения; статуса вершины предложения; морфологических типов подлежащего; грамматического «поведения» подлежащего; связи подлежащего с прагматическими аспектами рече-

вого акта; общих семантических свойств подлежащего в контексте ролевой грамматики.

Для исследования грамматических единиц важным является установление соответствия между смыслами и формами их выражения. В данном исследовании соотношение семантической и формальной стороны подлежащего изучается в аспекте вариативности.

Вариативность предполагает изменчивость, или модификацию, какого-либо явления при сохранении сущностных свойств этого явления. Свойство вариативности является универсальным свойством языковой системы, способом существования и функционирования всех без исключения единиц языка [Солнцев 1984: 31, 32]. При исследовании понятия вариативности одним из центральных является вопрос о соотношении инварианта как абстрактной единицы, отображающей общие свойства класса объектов, и варианта как ее конкретной модификации. Вариативность языковых единиц исследуется, как правило, с позиции модификации либо плана содержания, либо плана выражения.

Современная лингвистика требует разностороннего исследования языковых объектов с учетом разных принципов научной парадигмы. Таким образом, **актуальность** данной работы определяется тем, что в ней уточняется понятие подлежащего. Кроме того, вариативность подлежащего исследуется с позиций семантики и формальных способов репрезентаций. Грамматическое описание подлежащего идет в направлении от значения к форме, что позволяет включить данную работу в состав функциональных исследований [Мустайоки 2006; Оглоблин, Храковский 2011], способствующих развитию одного из центральных направлений современного языкознания – функционализма [Кубрякова 1995; Чурилина 2009]. Помимо этого, данное исследование имеет точки соприкосновения и с важным на сегодняшний день когнитивным направлением, поскольку связано с изучением подлежащего через посредство ментальных категорий и их репрезентаций в языковых формах, рассматриваемых как результат понимания окружающего мира человеком.

Семантическая вариативность подлежащего соотносится с системой семантических ролей / глубинных падежей и их вариантами. Семантические роли / глубинные падежи являются воплощением общего в языке и рассматриваются в качестве универсальных категорий [Филлмор 1982 а, б]. В современных когнитивных исследованиях семантические роли интерпретируются как ментальные сущности [Lakoff 1996; Краткий словарь когнитивных терминов 1996; Обаревиц 2004], коррелирующие с терминалами фрейма – мыслительного образа стереотипной ситуации [Минский 1979; Касевич 1988; Алефиренко 2005]. В процессе мышления ментальные категории поворачиваются разными сторонами и актуализируют при этом свои

разные признаки. Семантическая роль, будучи ментальной сущностью, выступает в качестве инварианта, который при реализации в языке предстает в виде варианта.

Вариативность формальных способов репрезентации подлежащего связана с модификациями синтаксической структуры предложения, построение которой определяется особенностями языковой системы. «Языки различаются с точки зрения того, на что ориентирован их формально-синтаксический аппарат в сфере имени: на формализацию категорий лексической семантики (агенса, пациенс), синтаксической семантики (субъект, объект) или же коммуникативной семантики (тема основная, вторичная)» [Касевич 1992: 29]. В соответствии со спецификой формально-синтаксического аппарата языков можно выделить три варианта грамматики, или три альтернативных грамматики, а именно: ролевую, номинативную и коммуникативную. В рамках этих грамматик формируются синтаксические структуры ролевого, номинативного и коммуникативного типа [Левинский 2010], восходящие к когнитивному уровню и являющиеся репрезентантами субъектно-предикатного отношения. В конкретных языках возможно сосуществование нескольких типов грамматик.

В фокусе данного исследования находятся структуры, организованные в соответствии с правилами номинативной и ролевой грамматики, поскольку их построение связано с категориями языка, в отличие от коммуникативной структуры, организация которой ориентирована на категории речи. В основе построения номинативной структуры лежит формально-синтаксический принцип, базирующийся на формальной связи компонентов, в основе ролевой – семантико-морфологический, связанный с семантической мотивированностью формы компонентов. В языке структуры номинативного и ролевого типа представлены в своих структурно-семантических вариантах.

В данной работе «точкой отсчета», относительно которой осуществляется варьирование структур номинативного и ролевого типа, является носитель предикативного признака с определенной глубинной семантикой. В номинативной структуре позицию носителя предикативного признака занимает подлежащее номинативного типа, характеризующееся единством морфологической формы выражения и формальным согласованием со сказуемым, в ролевой – подлежащее ролевого типа, имеющее форму косвенного падежа и занимающее первую позицию в предложении.

Объектом исследования является предикативная синтаксическая конструкция с обязательными непредикатными и предикатными актантами.

Предмет исследования составляет вариативность глубинной семантики подлежащего и ее соотношение с вариантами синтаксических структур

номинативного и ролевого типа, а также способы выражения подлежащего разными частями речи.

Цель работы заключается в выявлении вариантов семантических ролей подлежащего и способов их выражения в вариантах синтаксических структур номинативного и ролевого типа.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1) описать условия формирования предложения, его устройство, а также установить место подлежащего в системе предложения;

2) определить специфику номинативных и ролевых структур в глоттогенезе предложения и зависимость данных структур от картины мира; установить особенности подлежащего в структурах номинативного и ролевого типа;

3) обозначить семантические роли подлежащего и выявить их варианты в соответствии с семантическими типами предикатов;

4) установить соотношение каждого варианта роли подлежащего с вариантами синтаксических структур номинативного и ролевого типа; определить морфологические способы выражения подлежащего;

5) выявить общие и различные черты в семантике подлежащего и способах ее репрезентации в английском и русском языках.

Поставленный ряд задач определил использование методов, а именно: трансформационного, дистрибутивного, компонентного, описательного, сопоставительного. Также в работе применялись элементы количественного анализа.

Материалом исследования послужили примеры на английском и русском языках в количестве **5500 единиц**. Языковые единицы были получены в результате сплошной и селективной выборки. В качестве источника языкового материала привлекались художественные и публицистические тексты XX–XXI вв. Наряду с произведениями классической литературы (М.А. Булгакова, В.В. Набокова, Э. Хемингуэя, Дж. Фаулза и др.) использовались тексты массовой литературы (произведения В. Токаревой, Л. Улицкой, Дж. Чейза, Х. Филдинг, а также тексты газет и журналов). Применение текстов массовой литературы обусловлено тем, что она «погружает в стихию современной речи, создает эффект «узнавания» реальности, представляет речевой портрет современника» [Черняк, Черняк 2002: 38]. Также в качестве источника материала привлекался Национальный корпус русского языка и Британский национальный корпус.

Теоретико-методологической базой исследования послужила концепция альтернативных грамматик в аспекте синхронии и диахронии Ю.А. Левицкого; теория эволюции структуры предложения А.А. Потебни, И.И. Мещанинова, Г.А. Климова; концепция трехуровневого устройства предло-

жения Ф. Данеша; классификация семантических ролей У. Чейфа; классификация предикатов А. Мустайоки; концепции устройства предложения как отражения национального мировосприятия А. Вежбицкой, А.А. Мельниковой; теории вариативности языковых единиц В.М. Солнцева, А.В. Бондарко, Н.Н. Болдырева. В работе развиваются идеи Г.А. Золотовой, А.В. Бондарко и Ю.С. Степанова о возможности выражения главного предметного компонента предложения в русском языке формами косвенных падежей.

Новизна диссертационного исследования состоит в комплексном описании семантики подлежащего и способов ее выражения в структурах разного синтаксического типа – номинативного и ролевого – на материале английского и русского языков. Впервые подлежащее исследуется с позиций вариативности, а именно: выявления вариантов семантических ролей подлежащего и соотношения их с вариантами синтаксических структур.

Теоретическая значимость исследования связана с разработкой теории альтернативных грамматик, в рамках которой осуществляется исследование структур разного типа, и развитием концепции разнооформленности носителя предикативного признака в русском языке.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов исследования в практике обучения английскому и русскому языкам как в качестве родного, так и иностранного. Материалы диссертации могут найти применение в процессе преподавания теории языка, структурного и семантического синтаксиса, этнолингвистики, когнитивной грамматики. Результаты работы могут быть использованы в теории и практике перевода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Номинативная и ролевая грамматики, являясь вариантами грамматики как системы правил построения осмысленных предложений, обуславливают номинативный и ролевой способ построения синтаксической структуры предложения. В рамках данных типов структур постулируются два типа подлежащего как носителя предикативного признака – номинативный и ролевой. Подлежащее номинативного типа репрезентируется формой именительного (общего) падежа и формально согласуется со сказуемым. Подлежащее ролевого типа имеет форму косвенных падежей и занимает первую позицию в предложении.

2. При концептуализации внеязыковой ситуации семантическая роль реализуется в виде варианта, появление которого обусловлено семантическим типом предиката и типом актанта.

3. Количество вариантов роли, реализуемых актантом в позиции подлежащего, зависит от разнообразия семантики предикатов, связи с определенным типом актанта и типов синтаксических структур, функционирующих в языке.

4. Преобладание тех или иных структурно-синтаксических вариантов номинативных или ролевых структур в репрезентации подлежащего с определенной семантической ролью свидетельствует о специфике осмысления роли носителями английского и русского языков.

Апробация исследования. Основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедры грамматики и истории английского языка Удмуртского государственного университета. По материалам исследования сделаны доклады на межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики» (Пермь, 2007), на II международной научно-практической конференции «Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности» (Пермь, 2008), на III международной научно-практической конференции «Индустрия перевода и информационное обеспечение инновационной и образовательной деятельности» (Пермь, 2010), на международном научно-методическом коллоквиуме «Проблемы билингвизма в современном межкультурном дискурсе» (Пермь, 2011).

Материалы диссертации представлены в 8 публикациях, 2 из них входят в перечень изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, списка источников языкового материала и принятых сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность, новизна, цель и задачи работы, описывается материал, методы, теоретическая и практическая значимость исследования, представлены положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Подлежащее как компонент структуры предложения» рассматриваются вопросы устройства предложения, условий его формирования, места подлежащего в системе предложения, специфики подлежащего в структурах номинативного и ролевого типа.

Предложение является одной из основных грамматических единиц. На его формирование оказывают влияние два типа ситуаций – денотативная и коммуникативная.

Денотативная ситуация представляет собой фрагмент действительности, в который включены лица, предметы, т.е. различные участники. Коммуникативная ситуация включает в себя говорящего и слушающего и условия (в самом широком смысле) общения. Таким образом, денотативная ситуация является стимулом, исходной базой того, что выражается словами в предложении, коммуникативная ситуация задает способ изложения информации в предложении.

Учет обоих типов ситуации при интерпретации предложения осуществляется в подходе, который включает в себя три уровня, или аспекта, предложения: *формальный, семантический и коммуникативный* [Daneš 1964], – и который вбирает основные подходы, применяемые к изучению предложения в истории языкознания.

Подлежащее является элементом формального уровня предложения, однако оно имеет связь с семантическим и коммуникативным уровнями.

Семантический уровень / семантическая структура предложения управляет построением будущего высказывания; является концептуальной структурой денотативной ситуации и содержанием предложения [Падучева 2004: 155–157]. Семантическая структура состоит из предиката, указывающего на способ концептуализации денотативной ситуации, и актантов, прототипов участников денотативной ситуации. Актанты дифференцируются посредством *семантических ролей*, которые являют собой обобщенное, типовое представление об участниках, выполняющих в денотативной ситуации определенную функцию. Подлежащему на семантическом уровне соответствует *первый актант*, выделение которого обусловлено ориентацией предиката. Процесс осмысления действительности является субъективным, в связи с чем с первым актантом соотносится тот участник, который при концептуализации денотативной ситуации попадает в фокус внимания говорящего и выделяется в качестве фигуры.

Формальный уровень предложения интерпретируется через формальную / синтаксическую структуру – «множество словоформ, помеченных направлением зависимости» [Касевич 1988: 243]. Формальная структура предложения может быть построена по номинативному или ролевому типу. В соответствии с концепцией Ю.А. Левицкого предложение проходит этапы развития однословного высказывания, коммуникативной, ролевой и номинативной структуры. Ролевая структура рассматривается в качестве этапа, который предвещает становление номинативной структуры [Мещанинов 1963; Климов 2009; Левицкий 2010] и остается в памяти человека, как и другие предшествующие этапы развития предложения [Gardiner 1951; Мещанинов 1975; Левицкий 2010].

Номинативная структура предложения базируется на формальной связи составляющих, в результате которой образуются члены предложения. Подлежащее (синтаксический предмет) и сказуемое (синтаксический признак) выделяются в качестве главных членов на том основании, что они создают структурную завершенность предложения как единицы языка и формируют категорию предикативности – основную категорию предложения, под которой понимается «форма приписывания признака предмету в соответствии с моментом коммуникации» [Левицкий 2005: 159].

Построение ролевой структуры связано, в первую очередь, с семантическим согласованием компонентов, при этом значение и форма компонентов задаются глаголом. Учитывая специфику построения ролевой структуры и рассматривая ее как более ранний этап в развитии предложения, компоненты данного типа структуры постулируются в качестве членов предложения особого типа – ролевого, в связи с чем мы говорим о двух типах подлежащего – номинативном и ролевом. Подлежащие номинативного и ролевого типа объединяются на основе их функции носителя предикативного признака. Подлежащее номинативного типа имеет форму именительного (общего) падежа и формально согласуется со сказуемым в лице, числе (и роде). В английском языке также индикатором подлежащего является позиция перед сказуемым. Подлежащее ролевого типа маркируется формой косвенного падежа, первой позицией в предложении и согласуется со сказуемым семантически, а не формально.

Следует отметить, что в английском языке реализуются, главным образом, структуры номинативного типа, в русском – номинативного и ролевого. Функционирование в языке определенных синтаксических конструкций мотивировано мировосприятием народа (А. Вежицкая, З.К. Тарланов, С.Г. Тер-Минасова, В.И. Карасик, А.А. Мельникова, Д.Б. Гудков, Л.Н. Чумак, Ю.А. Рылов, И.Р. Куралева и др.). Согласно концепции А. Вежицкой общая тенденция существования номинативных конструкций в английском языке объясняется **агентивной** жизненной установкой англичан, т.е. представлением всех происходящих событий как подвластных человеку, находящихся под его личным контролем. В русском языке функционирование ролевых конструкций помимо номинативных свидетельствует о том, что русским свойственна наряду с агентивной **пассивно-экспериментальная** жизненная ориентация, т.е. склонность к осмыслению событий как происходящих независимо от воли человека [Вежицкая 1996: 55–56; Вежицкая 2011: 342–343].

На коммуникативном уровне предложение реализуется в виде высказывания. Подлежащее, как правило, входит в состав темы, которая осуществляет связь высказывания с предыдущим текстом, «прикрепляет» информацию, содержащуюся в реме, смысловом центре высказывания. Тема чаще всего обладает свойствами данного, определенного, известного.

Вторая глава «Семантическая вариативность подлежащего и способы ее репрезентации» посвящена определению семантических ролей подлежащего, установлению их вариантов; выявлению соотношения между глубинной семантикой подлежащего и ее грамматической репрезентацией в структурах номинативного и ролевого типа, а также способам выражения подлежащего лексико-грамматическими классами слов.

Исследование подлежащего на материале двух разноструктурных языков – английского и русского – позволяет установить, с одной стороны, объем общих для двух языков семантических категорий в позиции подлежащего, с другой – специфику осмысления этих категорий носителями языков в зависимости от того, как они репрезентируются в формальной структуре предложения.

Дифференциация семантических ролей, реализуемых актантом в позиции подлежащего, проводится в соответствии с классификаций У. Чейфа, поскольку она учитывает общий тип ситуации, накладывающий ограничения на набор возможных ролей первого актанта. У. Чейф различает следующие способы концептуализации денотативных ситуаций: *состояние*, т.е. положение некоторого участника; *процесс*, т.е. изменение состояния участника; *действие*, т.е. действие некоторого участника; *действие-процесс*, т.е. действие одного участника, которое вызывает изменение состояния другого участника. Подлежащее реализует роли *пациента*, *агента*, *экспериментера*, *бенефицианта*, *локатива*, *инструмента* [Чейф 2003].

Семантическая роль, будучи инвариантом, понятием, обладает набором когнитивных дифференциальных признаков. На актуализацию признаков и, соответственно, варьирование роли оказывает влияние семантический тип предиката, а также тип актанта.

Актанты в соответствии с типом участника денотативной ситуации можно разделить на непредикатные и предикатные. Непредикатные актанты выступают прототипами предметных участников, среди которых выделяются категории: I – люди, животные; II – предметы, III – вещества и IV – отвлеченные понятия [Мустайоки 2006: 159–160]. Предикатные актанты являются прототипами ситуаций: *Танин отъезд его огорчил* (Л. Улицкая).

Каждый вариант роли обладает степенью яркости в сознании носителей языка, что определяется количеством языковых репрезентаций, в которых объективируется соответствующий вариант роли.

Установлены следующие варианты роли *пациента*, представляющего носителя свойства, состояния или объекта воздействия (денотативная ситуация концептуализируется как «состояние» или «процесс»).

1) Пациент как носитель характеризующего признака (оценочного, внешнего, внутреннего, возрастного и пр.) в русском составляет 42% от общего количества единиц с семантикой данной роли в языке, в английском – 32,5%; реализуется всеми типами актантов при предикатах характеристики: *The guy in the car was fat* (J. Chase); *А ведь рубка там предстоит нештучная* («Новая газета»).

2) Пациент как объект воздействия в английском языке составляет 20%, в русском – 14%; репрезентируется всеми типами актантов преимуще-

ственно при предикатах физического воздействия: *The boat is confiscated* (Е. Hemingway); *Грудная клетка зашивается* (В. Токарева).

3) Пациент, находящийся в определенном месте, представлен в объеме 12% в английском языке, 11,5% в русском; репрезентирован актантами категории I, II, III при предикатах локации: *Big name hoteliers have been around since the late James Goldsmith* («The NewsWeek»); *Это рекламное чудовище висело в окне у Треймана* (В. Набоков).

4) Пациент экзистенциальный реализован в объеме 12% в английском и 10% в русском; репрезентируется всеми типами актантов при предикатах общей экзистенции и существования в определенном месте: *There was a large brown envelope on the chair* (I. McEwan); *В Бутырке есть кабинет спецучета, где хранятся личные дела осужденных* («Новая газета»).

5) Пациент как носитель физического состояния представлен в объеме 9% в обоих языках и репрезентирован актантами категории I, II, III при предикатах физического состояния: *The road was dusty* (Е. Hemingway); *Сады стояли безмолвные и спокойные* (М. Булгаков).

6) Пациент как носитель идентифицирующего признака реализуется в объеме 8,7% в английском языке и 7,5% в русском; представлен всеми категориями актантов при предикатах классификации, собственно идентификации и предикатах отношения части и целого: *This week's writer is a social services policy officer* («The Community Care»); *Это, несомненно, и был барон Сергей Леонардович фон Мак* (Б. Акунин).

7) Пациент, изменяющий состояние, репрезентируется в объеме 5% в английском и 7% в русском; реализован всеми типами актантов при секундарных предикатах, т.е. предикатах изменения состояния: *Perhaps he had already died* (I. McEwan); *Портьера раздвинулась* (М. Булгаков).

8) Пациент как объект эмоционального отношения реализуется в объеме 1,2% в английском языке и репрезентируется актантами категории I при предикатах эмоционального отношения: *Catherine Barkley was greatly liked by the nurses* (Е. Hemingway).

Агент представляет участника, обладающего своей собственной силой для осуществления действия (денотативная ситуация концептуализируется как «действие» или «действие-процесс»). Варианты агента выделяются на основе степени активности участника и его контроля над действием.

1) Агент-антропоним способен выполнять разнообразные действия и осуществлять полный контроль над ними; в английском и русском языках 'агент-антропоним' представлен в объеме 90%; реализуется актантами категории I (люди) при предикатах передвижения, физического воздействия, интеллектуального, речевого, социального, физиологического действия, а также

действия, каузирующего обладание: *She brushed it [hair]* (F. Fitzgerald); *Ночью Петя бродил по подземным переходам* (Т. Толстая).

2) Агент-зооним реализует более ограниченный набор видов деятельности и осуществляет неполный контроль над ними; представлен в объеме 3,7% в русском и 2,3% в английском; репрезентирован актантами категории I (животные, насекомые) при предикатах перемещения, физиологического действия, физического воздействия: *Above the fields, larks were twittering in a milky-blue sky* (G. Swift); *А в ту весну дичь прямо сама на мушку лезла* (Б. Акунин).

3) Агент-элементив (термин, предложенный Н.С. Широглазовой [Широглазова 2004]) выполняет ограниченный набор действий и не осуществляет контроля над ними; представлен в объеме 3% в обоих языках; реализуется актантами категории II, III (явления природы) при предикатах передвижения, физического воздействия: *A wind plucked his hair* (I. McEwan); *...зимние ураганы повалили двурогую трубу* (Т. Толстая).

4) Агент-каузатор – причина, которая изменяет положение дел; представлен в объеме 3% в обоих языках; репрезентуется предикатными актантами при каузативных предикатах с семантикой воздействия: *The shock dulls the pain* (E. Hemingway); *Простота разгадки Тышкевича, похоже, разочаровала его* (Л. Юзефович).

Экспериенцер обозначает участника, который находится в определенном моральном, физиологическом состоянии и воспринимает действительность посредством органов чувств; он представлен актантом категории I (денотативная ситуация осмысливается как «состояние» или «процесс»).

1) Экспериенцер как носитель психоэмоционального состояния реализуется в объеме 25% в русском и 14% в английском при предикатах эмоционального состояния: *I was favorably impressed* (J. Chase); *Семья в панике* (Б. Акунин).

2) Экспериенцер как носитель ментального состояния представлен в объеме 23% в английском и 14,7% в русском при предикатах интеллектуального отношения, ментального состояния, обладания, а также вторичных предикатах: *My wife knows a few of your piano pieces by heart* (I. McEwan); *Кудрин прекрасно понимает, что все имеющиеся резервы для наращивания государственных расходов на сегодняшний день исчерпаны* («Новая газета»).

3) Экспериенцер перцептивный представлен в объеме 25% в английском и 11% в русском при предикатах перцептивного действия и перцептивного состояния: *She looked at me critically* (G. Greene); *Им было видно практически все* (А. Геласимов).

4) Экспериенцер как носитель эмоционального отношения реализуется в объеме 20,5% в русском и 11% в английском при предикатах эмоцио-

нального отношения: *Nobody else was missing her* (I. McEwan); *Мне было жалко мою рукопись* (В. Токарева).

5) Экспериментер как носитель физиологического состояния представлен в объеме 16,4% в русском и 11,3% в английском при предикатах физиологического состояния: *I'm starving* (J. Chase); *Ее второй месяц беспрестанно тошнило* (Л. Улицкая).

6) Экспериментер, испытывающий желание чего-либо, представлен в объеме 11,3% в английском и 9% в русском при модальном модификаторе с семантикой желания, намерения: *I wanted to take off the beard* (E. Hemingway); *Ей хотелось богатой торжественности и большого гулянья* (Л. Улицкая).

7) Экспериментер, испытывающий необходимость в чем-либо, реализован в объеме 4,2% в русском и 3,8% в английском при модальном модификаторе с семантикой потребности: *I need some clothes* (J. Chase); *Ему надо было поделиться с кем-то, излить душу* (В. Токарева).

Бенефициант репрезентирует участника, который обладает чем-либо (или лишается чего-либо), оказывается в выгодном положении; он представлен актантами категории I (денотативная ситуация концептуализируется как «состояние», «процесс» или «действие-процесс»).

1) Бенефициант как обладатель предмета реализуется в объеме 65% в обоих языках при предикатах посессивного отношения: *I had the money* (J. Chase); *Мамин отец имел свои мануфактурные лавки* (Т. Клейман. Левон Оганезов: Когда я вернулся, у меня не было ни квартиры, ни адреса (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.05.16, НКРЯ).

2) Бенефициант, пребывающий / оказавшийся в выгодном положении, представлен в объеме 35% в обоих языках при предикатах социального взаимодействия, благоприятного состояния, пермиссивной каузации (*можно, позволено*), секундарных предикатах: *She had bought a sofa* (G. Greene); *Дело наследовали два сына* (Б. Акунин).

Локатив обозначает место, занимаемое лицом, предметом, а также является локализатором состояния (денотативная ситуация концептуализируется как «состояние» и «процесс»).

1) Локатив как вместитель предмета / явления представлен в объеме 100% в английском языке и 42% в русском; репрезентирован актантами категории I, II при предикатах физического воздействия, характеристики, экзистенции: *My legs are full of old iron too* (E. Hemingway); *У матери вещмешок на спине, в мешке хлеб* (С. Василенко. Ген смерти (1997-2000), НКРЯ).

2) Окружающая человека среда и ее состояние реализуется в объеме 47% в русском языке актантами категории II при предикатах состояния окружающей среды и секундарных предикатах: *На улице темнело* (Л. Улицкая).

3) Локатив как местонахождение предмета репрезентирован в объеме 11% в русском языке актантами категории I, II при экзистенциальных предикатах: *У тебя на лице кровь* (Б. Акунин).

Инструмент обозначает участника, играющего вспомогательную роль в осуществлении действия (денотативная ситуация концептуализируется как «действие-процесс»).

1) Собственно инструмент представлен в объеме 100% в английском и 68% в русском; реализуется актантами категории II при предикатах физического воздействия: *An alarm sounded, and searchlights raked a factory complex* (K. Newman. The night mayor (1990), BNC); *Острое лезвие раскололо воздух у самого горла* (Б. Акунин).

2) Средство репрезентируется в 32% в русском языке актантами категории III при предикатах физического воздействия: *Действительно ли кетонал избавляет от болей?* («Эти дни» совсем без боли // «Даша», 2004, НКРЯ).

В ходе исследования выявлено, что наибольшее количество вариантов свойственно ролям пациента и экспериенцера (8 и 7 вариантов). Это обусловлено их ориентацией на актанта категории I и способностью реализовываться при разнообразных семантических типах предикатов. Несмотря на то что роль пациента в целом связана с неодушевленным участником, актанты категории I выступают во всех без исключения вариантах роли пациента. Наименьшее количество вариантов получают роли инструмента и локатива, соотносящиеся с актантами категории II, а также роль бенефицианта. Роль бенефицианта ориентирована на одушевленного участника, однако реализуется при ограниченном количестве семантических типов предикатов. Агент занимает промежуточное положение по количеству вариантов между ролями пациента, агента и инструмента, бенефицианта, локатива. При этом отметим, что вариант 'агент-антропоним' сочетается с самым большим по количеству семантических типов классом предикатов – действия.

На семантический объем (количество вариантов) роли первого актанта оказывают влияние синтаксические типы структур, бытующие в языках. Функционирование номинативных структур в английском языке способствует тому, что роль пациента имеет семантический вариант 'пациент как объект эмоционального отношения'. В русскоязычном материале данный вариант обычно реализуется актантом в позиции дополнения. Существование ролевых структур в русском языке позволяет локативу реализовывать варианты 'окружающая человека среда и ее состояние', 'локатив как местонахождение предмета'. В английском языке указанные семантические варианты обычно представлены актантами в позиции обстоятельств.

В исследованном материале роль пациента чаще реализуется вариантом 'пациент как носитель характеризующего признака'. Это, вероятно, свидетель-

ствует о том, что для носителей обоих языков является важным охарактеризовать человека, предмет, явление или ситуацию для того, чтобы составить представление, сформировать понятие об этом человеке, предмете, явлении или ситуации. Роль агента в основном представлена вариантом 'агент-антропоним', являющимся наиболее типичным представителем данной роли – ее прототипом, т.е. наиболее репрезентативным вариантом определенного инварианта. Роль бенефицианта в основном представлена вариантом 'бенефициант как обладатель предмета'; роль локатива – вариантом 'локатив как вместилище предмета / явления'; роль инструмента – вариантом 'собственно инструмент'. Роль экспериенцера в русском языке ориентирована в большей степени на варианты 'экспериенцер как носитель психоэмоционального состояния' и 'экспериенцер как носитель эмоционального отношения'. В английском языке экспериенцер преимущественно репрезентируется вариантами 'экспериенцер как носитель ментального состояния' и 'экспериенцер перцептивный'. По-видимому, для русских наиболее важным является выразить свое внутреннее эмоциональное состояние и отношение, а для англичан – эксплицировать свои ощущения и состояние, связанное с разумом, а не с чувством. В русском языке также довольно высокий процент составляет вариант роли локатива 'окружающая человека среда и ее состояние'. Это, вероятно, вызвано тем, что для человека является важным охарактеризовать пространство, которое его окружает.

Подлежащее с определенной семантической ролью реализуется в вариантах синтаксических структур, модификация которых основывается на общности глубинного значения носителя предикативного признака. В формальной структуре глубинное значение подлежащего дополняется семантикой формы подлежащего и синтаксической конструкции в целом.

Синтаксическая структура предложения базируется на структурно-семантической модели / схеме – отвлеченном образце, который имеет свое общее значение, изменяющееся в зависимости от семантики входящих в него слов, в связи с чем один и тот же вариант роли при одинаковом типе предиката может выражаться в разных синтаксических структурах, что свидетельствует о синтаксической синонимии. Ср.: *Он был в строгой черной тройке, с тростью* (Л. Юзефович) и *На ней пальто из поддельного котика и шляпа с птицей* (В. Набоков). Также варианты разных ролей могут получать общие способы реализации в одинаковых структурно-семантических схемах, что свидетельствует о синтаксической омонимии. Ср.: *А рука ныла без удержу, по-дурному ныла, накатами* (Б. Васильев) и *Ванда захныкала* (М. Булгаков). Выбор синтаксической структуры предложения, как и способ концептуализации денотативной ситуации, определяется говорящим, который, исходя из своих коммуникативных потребностей, отбирает необходимые языковые средства для передачи определенного содержания.

Формальная структура предложения, принадлежащая конкретному языку, уникальна, однако можно говорить и об общих структурах предложения с определенной семантикой первого актанта для некоторых языков. Роли агента, инструмента, пациента ориентированы на номинативные структуры и в большинстве случаев имеют общность в репрезентации вариантов данных ролей в исследуемых языках, что, следовательно, говорит и о сходстве осмысления этих ролей. Для вариантов агента и инструмента наиболее характерными являются структуры с личным глаголом $N_1V_pN_4$: *We crossed the street* (G. Swift); *Мышь грызла, назойливо и деловито, в буфете старую корку сыра* (М. Булгаков); *The knife cut its throat* (R. Holdstock. Lavondyss, 1990, BNC); *Синий [карандаш] проводит горизонт любого моря* (В. Набоков); $N_1V_{pr}N_{2/4/5}$: *Dick works at his motor-bike* (G. Swift); *В футболе же двое или трое запросто напали на одного* (Б. Акунин). *Но местная вода <...> избавляет от токсинов* (А. Фадин. Кожей чувствую... (2002) // «Домовой», 2002.01.04, НКРЯ). Репрезентация вариантов ролей агента в номинативных структурах подчеркивает активность участника и на формальном уровне предложения. Реализация роли инструмента в вышеуказанных синтаксических структурах свидетельствует о восприятии участника, играющего данную роль, в качестве активного.

Для вариантов пациента в большей степени характерны структуры с именным сказуемым $N_1V_{be}Adj$: *at least two of the soldiers were still alive* («The NewsWeek»); *Шланг бурый, плоский, длинный, бесконечно длинный, длиннее жизни* (Т. Толстая); $N_1V_{be}prN_6$: *The telephone was in the hall* (J. Chase); *Он в больнице* (В. Токарева); $N_1V_{be}N_{1/5}$: *...his name was Willam Curlew* (G. Greene); *Отвечом на столь неслыханную щедрость был тяжелый вздох* (Б. Акунин). Представление вариантов роли пациента в номинативных структурах свидетельствует о том, что участник, выполняющий данную роль, осмысливается как активный носитель признака.

Тем не менее в некоторых случаях в русском языке варианты агента и пациента репрезентируются посредством ролевых структур, форма компонентов которых создает впечатление стихийности, неконтролируемости действия, осуществляемого участником или производимого над ним. Так, 'агент-антропоним' представлен в конструкции $yN_2V_{ref}(prN_5)$: *У меня лучше всего с деревьями получается* (Л. Улицкая); 'агент-элементив' репрезентируется в структуре $N_5V_{impers}N_1$: *...сквозняком шевелило висевший на стене старый плакат с обмахрившимися краями* (Л. Юзефович); 'пациент как объект воздействия' реализуется в конструкции N_4V_{impers} : *Кириллу вместе с тулупом отшвырнуло еще дальше, в сугроб* (Б. Акунин).

Роли экспериенцера, бенефицианта, локатива преимущественно репрезентируются в русском языке в ролевых структурах, при этом подлежащее характеризуется разнообразностью падежных форм выражения и сказуемое чаще

всего представлено безличным глаголом, предикативным наречием на -о, глаголом в возвратной форме со значением произвольности действия / состояния. В английском языке указанные роли представлены в конструкциях со сказуемым, выраженным личным глаголом и глагольно-именным сочетанием. Соответственно, носители английского и русского языков неодинаково концептуализируют указанные семантические роли. Некоторые варианты экспериенцера и бенефицианта в русском языке обнаруживают одновременную ориентацию и на номинативные, и на ролевые структуры, что свидетельствует о двойственности осмысления этих категорий носителями языка.

Подлежащее-экспериенцер в русском языке чаще всего имеет форму *дат.п.*, *им.п.*, *род.п.*, *вин.п.*, при этом наиболее употребимой является форма *дат.п.*, которая составляет 45,5% от общего количества словоформ с семантикой данной роли.

В исследуемых языках 'экспериенцер перцептивный', 'экспериенцер как носитель ментального состояния', 'экспериенцер, испытывающий желание чего-либо', а также 'экспериенцер как носитель эмоционального отношения' и 'экспериенцер, испытывающий необходимость в чем-либо' (в английском языке) реализуются в основном с помощью конструкции $N_1V_fN_4/Clause/Inf$: *I heard a woman call out of merrily* (I. McEwan); *Сотрудница слушает меня внимательно и с почтением* (В. Токарева); *I know it* («The Community Care»); *Он вспомнил давно минувшие ночи* (В. Набоков); *We want to get back together* (H. Fielding); *Я хотел помочь стройному старику надеть пальто, но он остановил меня движением руки* (В. Набоков); *He loves Franz Joseph* (E. Hemingway); *I need a guy who can handle metal and cars* (J. Chase). Превалирование данной номинативной структуры свидетельствует о том, что подобные процессы осмысляются носителями языка как протекающие осознанно и с усилием воли.

В русском языке помимо конструкции $N_1V_fN_4/Clause/Inf$ для вышеуказанных семантических вариантов релевантными являются также структуры ролевого типа. В частности, для вариантов 'экспериенцер перцептивный', 'экспериенцер как носитель ментального состояния' характерна структура $N_3V_{\text{быть}}Adv_0/Clause$: *Им было не совсем понятно, о чем заспорила творческая интеллигенция* (В. Токарева); *Им было видно, как уходит в сторону сопки стая волков* (А. Геласимов). Также варианту 'экспериенцер как носитель ментального состояния' свойственна структура $N_3V_{\text{ref}}N_1/Clause$: *Из улыбок Петьке запомнилось более или менее лицо дядьки Юрки* (А. Геласимов); *Старухам казалось: витамины обрадуют кровь* (В. Токарева). Для варианта 'экспериенцер, испытывающий желание чего-либо' характерной является структура $N_3V_{\text{ref}}N_4$: *А мне хотелось бы другую конструкцию: деньги, слава и любовь* (В. Токарева). Репрезентация данных вариантов ролей в номинативных и ролевых структурах в русском языке свидетельствует о том, что эти типы состояний экспериенцера

могут восприниматься по-разному носителями языка: и как находящиеся под контролем участника, и как происходящие сами собой.

Варианты 'экспериментер как носитель психоэмоционального состояния' и 'экспериментер как носитель физиологического состояния' в английском языке представлены в структурах $N_1V_{be}Adj$: *Rinaldy was quiet now* (E. Hemingway); *Cassius is hungry* (I. McEwan); $N_1V_{be}PartII$: *I was favorably impressed* (J. Chase); *His heard is hurt* (E. Hemingway). Такой способ выражения семантических вариантов позволяет утверждать, что психоэмоциональное и физиологическое состояния воспринимаются как находящиеся под контролем участника, но протекающие неактивно.

Данные семантические варианты в русском языке представлены в основном в ролевых структурах $N_3V_{быть}Adv_0$: *И всем было весело* (В. Токарева); *Мне было очень жарко* (Б. Акунин); N_4V_{impers} : *Почему меня поволокло в научную сухотку?* (Л. Улицкая); *Всю ночь ее трясло* (Б. Васильев); $yN_2V_{быть}(Adj)N_1$: *...у Новенькой было счастливое детское чувство...* (Л. Улицкая); *У него открытая форма туберкулеза* («Новая газета»). 'Экспериментер как носитель эмоционального отношения' имеет реализацию в подобных ролевых структурах $N_3V_{быть}Adv_0N_4$: *В определенной степени мне было жалко Лужкова* («Новая газета»); $N_3V_{ref}N_1$: *Мне очень нравится ваш маленький Буше* (Б. Акунин). Указанные способы выражения свидетельствуют о том, что участник мыслится как охваченный чувством, не контролирующий свое состояние.

Подлежащее-бенефициант в русском языке представлено формами *род.п.*, *дат.п.* и *им.п.*, при этом наиболее частотными являются формы *род.п.* и *дат.п.*, составляющие 60,5% и 21,5% от общего количества словоформ с указанной ролью.

Семантический вариант 'бенефициант, пребывающий / оказавшийся в выгодном положении' в обоих языках реализуется в структуре $N_1V_fN_4prN_6$: *I found it in a thicket a few yards from the bank* (J. Chase); *Переодевшись в штатское, он нашел на полке календарь «Губернский город Пермь и его окрестности»* (Л. Юзefович), позволяющей говорить о том, что участник имеет определенный контроль над ситуацией. Однако в русском языке данный семантический вариант также репрезентируется в ролевых структурах, указывающих на то, что события, в результате которых участник оказывается в выгодном положении, осмысляются носителями языка как неконтролируемые, необъяснимые, случайные N_3V_{impers} : *Я стала играть. Мне начало везти* (В. Токарева) или возникшие в силу определенного стечения обстоятельств $N_3V_{impers}Inf$: *Бабушке удалось меня удочерить* (Л. Улицкая).

'Бенефициант как обладатель предмета' в английском языке реализуется в структуре $N_1V_{have/r}N_4$: *Catherine had a little over 12 hundred lire*

(Е. Hemingway), акцентирующей внимание на активном характере личности в процессе владения чем-либо. В русском языке данный вариант представлен в конструкции $yN_2V_{\text{быть}}N_1$: У меня есть кипяtilьник (В. Токарева), свидетельствующей о некоторой «отстраненности» обладателя от собственности [Рылов 2006: 48].

Роль **локатива** в русском языке репрезентируется формой *предл.п.*, *им.п.* и *у род.п.+предл.п.*, при этом наиболее частотной является форма *предл.п.*, представленная 61,5% от общего количества словоформ с семантикой локатива.

‘Локатив как вместилище предмета / явления’ в английском языке реализуется преимущественно в структуре $N_1V_rN_4$: *The collection of the later Italian school includes work by Lorenzo Lotto Sebastiano del Piombo, Tintoretto, Sebastiano Ricci, Tiepolo and Canaletto* (A.Smith. A guide to Prague. Lucy. London, 1991, BNC); в русском языке – в конструкции $N_6V_{\text{быть}}N_1$: В ящике полешки и мелкая щена (Храни меня, Кезер (2003) // «Народное творчество», 2003.10.20, НКРЯ).

Вариант ‘окружающая человека среда и ее состояние’ в основном представлен в тех структурах, форма компонентов которых свидетельствует о самопроизвольности изменений состояний окружающей среды, $N_6V_{\text{быть}}Adv_0$: На лестнице было темно (Л. Юзefович); $N_6V_{\text{имперс}}...в клубе$ же светлело (Л. Улицкая).

Вариант ‘локатив как местонахождение предмета’ реализуется в конструкции $yN_2(prN_6)V_{\text{быть}}N_1$: Ведь у него на руке стальной хронограф *Charriol om Carl F.Bucherer* (Время для себя (2004) // «Homes & Gardens», 2004.04.16, НКРЯ). Выражение подлежащего ролевого типа формами косвенных падежей в русском языке обуславливает более тесное взаимодействие вариантов семантической роли и формы их выражения.

Подлежащее эксплицируется на формальном уровне посредством разных частей речи, среди которых наиболее частотными являются личное местоимение со значением лица (т.е. одушевленного существа), имя собственное, имя существительное со значением одушевленного существа и предмета. Преобладание личного местоимения, а также имени собственного связано с их референтными свойствами и позицией темы подлежащего.

Таким образом, в исследовании была установлена вариативность семантических ролей подлежащего, рассматриваемых как ментальные категории; был выявлен их семантический объем, реализуемый актантом в исследуемой синтаксической позиции. Также в рамках настоящей работы установлено соотношение семантики подлежащего с вариантами синтаксических структур номинативного и ролевого типа, восходящих к двум типам грамматик – номинативной и ролевой. Репрезентация семантических ролей в определенных вариантах структур номинативного и ролевого типа свиде-

тельствует о специфике осмысления роли носителями языка как отражения функции участника ситуации действительности.

В **заключении** подводятся итоги и намечаются перспективы исследования. В рамках дальнейшего изучения подлежащего в заявленном аспекте видится возможным расширить круг языков с целью выявления семантического объема универсальных категорий и способов их выражения. Также исследование может быть продолжено в диахроническом аспекте, поскольку количество вариантов ролей и способы их репрезентации могли измениться с течением времени.

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Кислёва, Е. Н. Семантика и способы выражения подлежащего экспериенцера в языковом сознании англичан и русских [Текст] / Е. Н. Кислёва // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь, 2011. – Вып. 3 (15). – С. 37–45.

2. Кислёва, Е. Н. Подлежащее в аспекте эволюции теории синтаксиса / Е. Н. Кислёва [Текст] // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2011. – Т. 3, № 4. – С. 82–86.

Публикации в других научных изданиях:

1. Кислёва, Е. Н. Семантика подлежащего [Текст] / Е. Н. Кислёва // Актуальные проблемы современной лингвистики: межвуз. сб. ст. по материалам конф. / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – С. 57–63.

2. Кислёва, Е. Н. О некоторых способах перевода обобщенно-личного *One* в синтаксической функции подлежащего [Текст] / Е. Н. Кислёва // Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятия: материалы II междунар. науч.-практ. конф., г. Пермь, 28–30 мая 2008 г. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2008. – С. 72–76.

3. Кислёва, Е. Н. Об актантной семантике подлежащего [Текст] / Е. Н. Кислёва, Ю. А. Левицкий // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 11: Языковая вариативность / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – С. 36–42.

4. Кислёва, Е. Н. К вопросу о способах перевода определенно-личного подлежащего с английского языка на русский [Текст] / Е. Н. Кислёва // Индустрия перевода и информационное обеспечение инновационной научной и образовательной деятельности: материалы III междунар. науч.-практ. конф., г. Пермь, 4–5 февр. 2010 г. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2010. – Т. 1. – С. 42–48.

5. Киселёва, Е. Н. Семантические и формальные особенности подлежащего-локатива в русском языке [Текст] / Е. Н. Киселёва // Казанская наука: сб. науч. ст. – Казань, 2010. – № 10. – С. 219–220.

6. Киселёва, Е. Н. О некоторых формально-семантических особенностях подлежащего-бенефицианта в русской и английской языковых картинах мира [Текст] / Е. Н. Киселёва // Проблемы билингвизма в современном межкультурном дискурсе: материалы науч.-метод. colloquium, г. Пермь, 7–9 февр., 2011 г. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2011. – С. 134–139.

Подписано в печать 01.03.2012. Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 1,5

Формат 60×84/16. Набор компьютерный. Заказ № 656/2012

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства Пермского национального
исследовательского политехнического университета
614600, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел.: (342) 219-80-33

